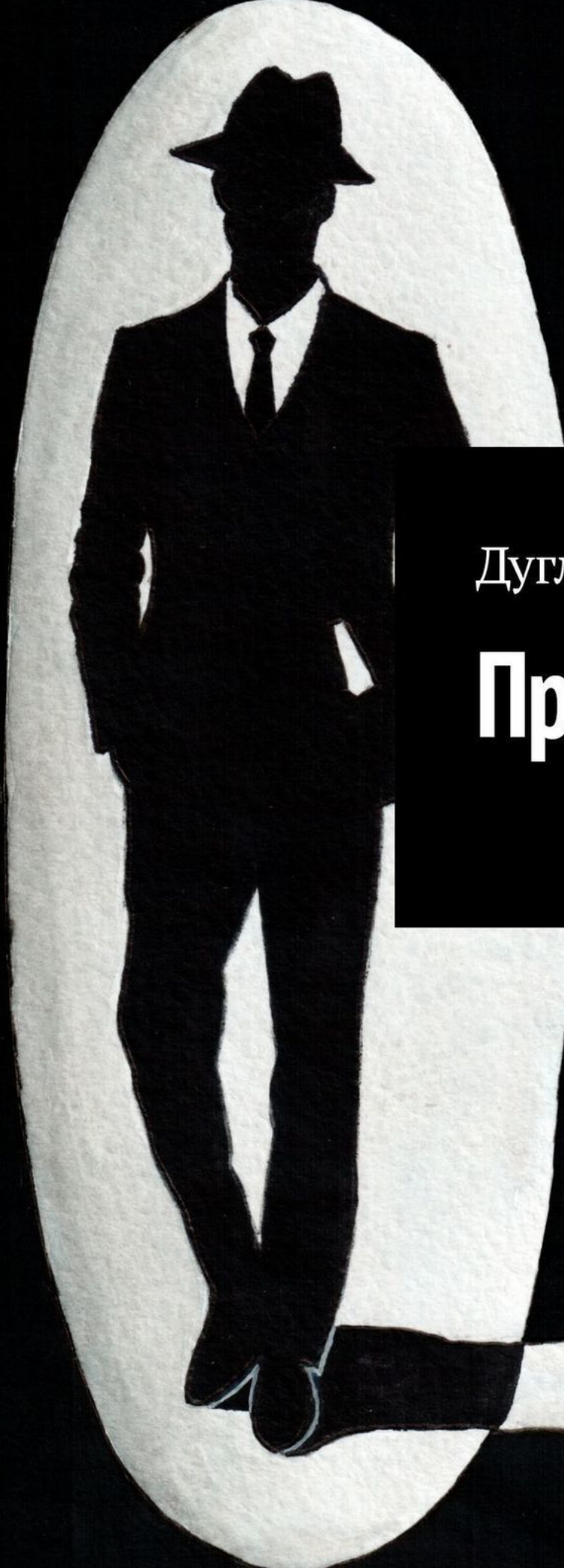

Дуглас Салливан

Простое дело

Дуглас Салливан

Простое дело

«Издательские решения»

Салливан Д.

Простое дело / Д. Салливан — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930314-1

Эта повесть для любителей детективного жанра. Если вам нравятся истории про нагловатых и изворотливых частных детективов, то придётся по вкусу и это произведение. Кстати, у данной повести забавная история. Написана она была для издания, которое выходило каждую неделю с переводом детективов зарубежных авторов. Но однажды переводы у редакции вдруг закончились. Срочно требовалось решение, как выйти из положения. Так и появилась для спасения издания эта повесть в стилистике перевода. Наслаждайтесь.

ISBN 978-5-44-930314-1

© Салливан Д.
© Издательские решения

Содержание

ПРОСТОЕ ДЕЛО	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Простое дело

Дуглас Салливан

Иллюстратор Надежда Анатольевна Сотникова

© Дуглас Салливан, 2018

© Надежда Анатольевна Сотникова, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-0314-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОСТОЕ ДЕЛО

1

Дом Реджинальда Джефферсона находился в самом конце Ньютон-стрит. А что вы так спокойно это прочитали? Знаете, кто такой Реджинальд Джефферсон? Пока не знаете? А ведь у вас дети есть, наверное? Все равно не знаете старину Реджинальда? Стыдно. Ну так я вам скажу. Это король плюшевых мишек, барон пластиковых куколок, герцог крошечных автомобилей и прочего подобного дерьма. Вообще Джефферсон мог бы стать Богом для всех ребят-шек, но это место уже занято. Довольно давно и навсегда.

Одним словом, мой выдавший лучшие времена «Форд» остановился перед металлической оградой, за которой виднелось величественное здание жилища и одновременно офиса владельца нескольких не самых последних в стране заводов по производству игрушек и магазинов по их же продаже. От ворот узкая посыпанная гравием дорожка с несколькими высокими соснами по краям вела к парадной двери. На противоположной стороне улицы стоял довольно обшарпанный трехэтажный дом с вывеской, оповещавшей, что где-то в глубине его подвалов притаилось кафе. За ним Ньютон-стрит обрывалась, упираясь в непробиваемую копию Великой Китайской стены. Казалось, именно здесь и был тот самый пресловутый край света. Что находилось за стеной, к нашей истории отношения уже не имеет, поэтому не будем тратить напрасно время.

Я негромко хлопнул дверцей «Форда» и под пристальным взглядом приоткрытого ока разомлевшего на жаре бродячего пса пересек мостовую по направлению к вышеупомянутым воротам. Но вот незадача! Кто-то предусмотрительно запер их. Я ткнул пальцем в висящий на уровне моей головы звонок, невольно удивляясь, почему электрику не пришлось в голову прикрепить его чуть повыше. Скажем, на метр с небольшим. Вот было бы развлечение для гостей.

Прислуга у Джефферсона оказалась на редкость добросовестной и расторопной. Не успел я зевнуть на жаре второй раз, как передо мной по ту сторону ворот возник бледный молодой человек в отменном костюме, белоснежной рубашке и модном галстуке. Его длинные черные волосы были тщательно приглажены и завязаны сзади в пони-тейл, что придавало ему легкое сходство с латиноамериканцем. Доброжелательный взгляд ярких карих глаз остановился на моей персоне. Я эту фразу ожидал, я ее и услышал:

– Чем могу помочь, сэр?

Я молча достал визитную карточку – скромную на вид и с не менее скромным своим именем – после чего протянул ее аккуратному пареньку сквозь толстые металлические прутья. Тот бросил на жалкий кусочек плотной бумаги мимолетный взгляд и любезно поинтересовался:

– Вам назначено?

– Не думаю, – отозвался я. – Но ваш босс наверняка будет мне рад.

Доброжелательность во взгляде паренька мгновенно сменилась недоумением.

– Вы так уверены в этом?

– А разве я внушаю вам хоть толику подозрения? Разве у вас бывали когда-нибудь более добродушные на вид гости?

Молодой человек молча вернул мою визитную карточку, критически оценив мои слегка помятые брюки, пиджак, который был мне дороже самого старинного закадычного друга, и немного влажную от пота рубашку под ним.

– С мистером Джефферсоном практически невозможно встретиться без предварительной договоренности.

– Не спорю, – заявил я с холодностью потомственного сенатора. – Но мое дело личного характера, и вы здорово рискуете, мой юный друг, получить от своего патрона по заднице если продержите меня на этом пекле хотя бы еще минуту.

От былой доброжелательности в глазах моего собеседника не осталось и следа. Он с удовольствием послал бы сейчас меня ко всем чертям, но было видно, что в его душе зашевелился подленький страх за свое, видимо, довольно теплое местечко в этом игрушечном королевстве. Наконец, молодой человек неохотно протянул руку к задвижке на воротах.

– Ну хорошо. Я доложу о вас. А вы подождете в приемной.

– Это я, пожалуй, смогу вам обещать. Если надо, поклянусь на Библии.

Не проронив больше ни слова, парень повел меня к дому. На аккуратно подстриженном газоне лежало перевернутое вверх дном железное ведро. Рядом на его близнеце восседал седой старик в некогда синем комбинезоне, видимо, садовник. Так же как и пес перед воротами, он разомлел от жары, но проводил нас внимательным взглядом из-под полуприкрытых век. Говорят, люди к старости становятся невероятно любопытными. Тогда что же, если верить моей мамочке, я родился уже стариком? Или в моем случае это издержки профессии?

Кабинет Реджинальда Джефферсона находился на первом этаже, а «приемной» оказался холл, где царила благодатная прохлада, которую обеспечивала пара мощных кондиционеров. Вдоль стен стояло множество стеклянных витрин с образцами производимых фирмой Джефферсона изделий. Игрушечный мир. Элегантный стол секретаря возле двери в кабинет босса пустовал недолго. Мой спутник по-хозяйски уселся за него, снял трубку телефона и что-то тихо пробурчал в нее, затем взглянул на меня.

– Мистер Джефферсон сейчас занят. Я доложу ему о вас позже.

Я кивнул, уселся в глубокое кожаное кресло, закурил и выпустил изо рта тоненькую струйку дыма. В гробовой тишине время тянулось издевательски медленно. Секретарь что-то старательно строчил на листке бумаги, поскрипывая то ли ручкой, то ли зубами. Похоже, моя персона не интересовала здесь никого, даже плюшевых мишек и не очень пристойного вида пластиковых блондинок за стеклами витрин. Когда аромат моей пятой сигареты начал услаждать обоняние молодого человека за столом, дверь кабинета распахнулась, и из-за нее выпорхнула длинноногая девица с пачкой бумажных листов в руках, а вслед за ней показался мужчина с несколько наигранной на мой взгляд улыбкой на губах.

– Рут, постарайтесь побыстрее напечатать и отправить письма, которые я вам надиктовал. Написанное от руки может подождать, – не менее наигранно произнес он.

Я негромко хмыкнул. Я не имел в виду ничего дурного. Просто хмыкнул и все. Мужчина мгновенно переключил свое внимание с машинистки на меня, молча уставившись мне в переносицу. Молодой человек за столом перехватил его взгляд, поспешно поднялся и доложил:

– Этот господин хотел переговорить с вами по личному делу.

Босс что-то промычал, став сразу похожим на быка-философа, пробормотал «не знаю такого» и скрылся в своем кабинете. Секретарь безмолвно развел руками. Я поднял вверх средний палец в знак того, что сцена не произвела на меня должного впечатления. Минут через пятнадцать Джефферсон снова вышел из кабинета, направился было к выходу, но посередине холла вдруг остановился. Видимо, когда-то он был здоровым цветущим парнем, но нелегкая жизнь состоятельного бизнесмена общей продолжительностью лет в сорок пять оставила на нем свои неизгладимые следы в виде сутулости, лишнего веса, легкой седины и красных век.

– Вы хотели поговорить со мной?

– Если вы Реджинальд Джефферсон, то да.

– Кто же еще, черт возьми, может выйти из моего кабинета?!

– Мало ли. Рут, например.

Босс поморщился, словно ему сделали прививку от бешенства.

– Последний вопрос перед тем, как охрана выкинет вас отсюда. Вы кто?

– Тони Хоуп. Родился в Финиксе, но потом решил перебраться поближе к океану, хотя не очень люблю плавать. Работал на бензоколонке в Сан-Бернардино, потом немного отдохнул во Вьетнаме, а теперь практикую в Лос-Анджелесе. И еще один не менее важный факт моей биографии: некто Реджинальд Джефферсон зачем-то звонил в мой офис сегодня утром и оставил любопытное сообщение на катушке автоответчика.

Лицо босса несколько разгладилось.

– Вы что, ребенок? Не могли сразу сказать?

– А что делать взрослому в лавке игрушек?

Джефферсон изобразил кислую улыбку – наверное, для секретаря, поскольку Рут давно исчезла вместе с надиктованными письмами – и указал на дверь своего кабинета.

2

Видимо, кабинет владельца нескольких заводов игрушек и должен был выглядеть именно так. Несколько игриво, на мой взгляд. На высоких окнах висели шторы довольно легкомысленной расцветки. Яркие обои с имитацией под бархат не очень-то гармонировали с парой огромных книжных шкафов, заполненных пыльными и вряд ли когда прочитанными книгами. Скорее всего, издания разных цветов и размеров выполняли здесь роль декорации, чтобы дать понять непосвященному посетителю, что хозяин кабинета парень образованный, и палец ему в рот класть не стоит. Массивный письменный стол украшала мешанина из бумаг, конвертов и прочего хлама, свидетельствующая обычно в подобных кабинетах о чрезвычайной важности происходящих здесь событий. Справа от него в углу скромно притулился небольшой сейф, которому было абсолютно наплевать даже на атомную атаку.

Реджинальд Джефферсон царственно устроился в высоком кожаном кресле, закурил и произнес:

– Я бизнесмен, и у меня нет времени на пустую болтовню. Покажите мне ваше удостоверение, и мы перейдем к делу.

Я опустил на стул для посетителей и протянул боссу свою лицензию. Частного детектива. Тот молча взглянул на нее.

– Срок действия подходит к концу.

– Продлю, как только закончу ваше дело.

– Ладно. Сколько вы хотите?

– Сорок в день плюс доллар на бензин.

– Не валяйте дурака. Двадцать пять в день. И пусть будет бензин, хорошо.

Я взял из коробки на столе сигарету. Джефферсон посмотрел на меня в ожидании возражений, но, не дождавшись, несколько удивленно хмыкнул и продолжил:

– Предупреждаю, дело личного характера. Никаких разговоров с вашими друзьями полицейскими. Только поэтому мой выбор пал на вас.

Я усмехнулся. Кажется, Джефферсон принимал меня за покупателя в одном из своих магазинов.

– Так что за дело, босс? – вяло поинтересовался я.

– Я вас еще не нанял, – король игрушек поёрзал в кресле толстым задом и вдруг оставил свои высокомерные манеры. – Но очень надеюсь на вашу помощь. Вы должны найти мою дочь.

– В Лос-Анджелесе? Нет ничего проще, – отозвался я.

Босс поморщился, но проигнорировал мое замечание.

– Она пропала два дня назад. Ушла вечером прогуляться и не вернулась.

Он достал из ящика о несколько фотоснимков и протянул мне. С карточек на меня взглянули симпатичные личики одной и той же девушки: сначала в возрасте трех лет, затем семи, двенадцати и, наконец, шестнадцати. На последней она улыбалась, но улыбка почему-то пока-

залась мне нервной, портящей красоту всего лица. Словно фотограф, до того как щелкнуть затвором камеры, долго выбирал ракурс и совсем измучил свою модель.

– Мою дочь зовут Лилиан Джефферсон. Девочка живёт с матерью. Мы с Моникой не разведены, но она уже много лет назад сняла себе квартиру и забрала дочь.

– Какой из снимков соответствует нынешнему облику? – деловито осведомился я.

– А как вы думаете? – с легкостью парировал босс.

– Тогда вот эти лишние, – я оставил себе последнюю фотографию. – Вы что-нибудь принимали для поисков?

– Нет. Жена сообщила мне обо всём только сегодня утром.

– Вариант загула с таким же сопливым дружкой исключён?

Босс снова поморщился, но ответил сразу и почти по существу:

– Об этом лучше поговорить с моей женой.

– Вы были не очень-то дружны с дочерью?

– Что значит «был»?

– Вы не очень-то дружны с дочерью? Она не часто к вам заходила?

– Трудно сказать однозначно.

– Тем не менее, вам это удалось. Значит, подробности можно узнать только у ее матери?

Адрес?

– Восточный район. Хаббард... В общем, мой секретарь скажет вам точнее.

Джефферсон поднялся, открыл сейф, достал оттуда бутылку коньяка и одну рюмку.

– Спасибо, эту бурду я не пью, – поспешил предупредить его я. – В рабочее время предпочитаю колу.

Босс, собравшийся было опрокинуть рюмку себе в глотку, недоумённо посмотрел на меня.

– В холодильнике, – пробурчал он. – Обслужите себя сами.

Я воспользовался любезным предложением и спросил:

– А как насчёт личной жизни вашей жены?

– Какое это имеет значение? – босс уставился на меня из-под воспаленных век.

– Вы последнее время много пьёте и мало спите, – заметил я. – А раз я уж взялся за ваше дело, значение имеет всё.

Джефферсон пожал плечами.

– Тогда спросите у неё сами, кто такой мистер Морган.

– Ладно. Писем с требованием выкупа, насколько я понимаю, вы пока не получали?

– Наверное, тогда я с этого начал бы.

– Знаете, люди разные встречаются. Больше ничего интересного сообщить не можете?

– К сожалению. И помните, я чертовски волнуюсь. Это моя единственная дочь. Если что-нибудь узнаете, звоните сюда в любое время дня и ночи. Правда, сегодня у меня с пяти до восьми конференция, но потом я буду ждать от вас новостей.

Я пообещал Джефферсону связаться с ним, взял конверт с двадцатью пятью долларами, сунул снимок Лилиан между двумя десятками, после чего пожал боссу руку и откланялся.

К моему удивлению, молодой человек по имени Остин не подслушивал у двери и не подглядывал в замочную скважину, а спокойно сидел за своим столом и работал. Помахивая конвертом, я подошел к нему и попросил продиктовать адрес Моника Джефферсон. Он порылся в ежедневнике и нашел нужную запись. Я бросил свой конвертик на стол, черкнул в своём блокноте адрес, аккуратно убрал его во внутренний карман пиджака и направился к выходу. Остин снова вернулся к своей работе.

Квартира Моника Джефферсон оказалась на восьмом этаже высоченного здания на Хаббард-стрит. Длинный худой парень лет восемнадцати сидел за конторкой консьержа и разглядывал в зеркало прыщи на носу. Увидев меня, он сразу принял строгий вид.

– Миссис Джефферсон с дочерью в каком номере живут? – спросил я любезно, чтобы подчеркнуть важность занимаемой им должности.

– В тридцатом, сэр.

– Ну и как она? Ничего бабёнка?

Парень смущённо улыбнулся, отчего стал немного смахивать на олигофрена, и протянул:

– Ничего...

– А дочка тоже красотка, верно? Я директор школы, – от подобного заявления мне и самому-то стало не по себе. Хотя почему бы мне на время не стать демократичным педагогом и не зайти к своей ученице?

Малолетний консьерж, похоже, занялся воспоминаниями о прекрасной Лилиан и не обратил внимания на выпаленную мной явную нелепость.

– Хочу узнать, почему мисс Джефферсон с четверга не посещает занятия, – продолжил я. – Ты ее давно не видел?

– Дня два, – робко ответил парень.

– А последний раз можешь вспомнить?

Мой сообразительный собеседник безнадёжно закатил глаза к потолку. Я решил не испытывать своего терпения, похлопал парня по плечу, вызвал лифт, поднялся на восьмой этаж и отыскал нужную квартиру. На мой звонок ответили не сразу. Сначала за дверью слышался голос женщины, видимо, разговаривающей по телефону, потом он смолк, раздались шаги, еще несколько слов в трубку, и наконец мне открыли. На пороге появилась очень миленькая светловолосая женщина лет тридцати пяти. На ее щеках горел румянец, а взгляд голубых глаз был далеко не миленьким. Просторный халатик каким-то непостижимым для мужской части населения планеты образом не только не скрывал, а всячески подчёркивал стройность фигуры.

– Какого чёрта? – сразу перешла к делу хозяйка.

– Я хотел бы поговорить с миссис Джефферсон.

– А, это вас нанял мой разлюбленный супруг? Входите.

Запахнув халатик потуже, она направилась на кухню, где её ждала трубка телефона, сказала кому-то: «Ко мне пришли. Поговорим позже», повесила трубку и посмотрела на меня.

– Разве он вам не всё рассказал?

– Если быть максимально точным, мистер Джефферсон не рассказал мне ничего.

– Ну конечно! Какое мистеру Джефферсону дело до собственной дочери. У него и без неё хватает баб в доме.

– Меня, собственно, интересует не это.

Женщина закурила, устало опустилась на стул с кожаной обивкой и выпустила изо рта облачко дыма.

– Спрашивайте.

– Каким образом пропала ваша дочь?

– Самым простым. Пошла два дня назад в кино и не вернулась. Это была суббота.

– В котором часу?

– Около семи.

– Перед уходом она вела себя как обычно? Спокойно?

– Абсолютно.

– Как она была одета?

– Ничего особенного... Джинсы, футболка.

– Сумка?

– Насколько я помню, нет...

– У неё были... есть друзья?
– Мальчики? Их у неё много, но ничего серьёзного.
– А как насчёт ваших врагов или просто недоброжелателей?
– Откуда им взяться? Завидовать нечему. Муж даёт нам ровно столько, чтобы девочка могла учиться, а я не работала. Правда, за несколько дней до исчезновения... кажется, в тот понедельник... Лили сказал мне утром... В общем, ей показалось, что за ней следили.

– Она заметила, кто именно?
– Какая-то высокая полная женщина в очках с роговой оправой.
– Вы не знаете, кто бы это мог быть?
– Даже предположить трудно. Честно говоря, я тогда подумала, что девочке просто показалось. С чего бы кому-то за ней следить?
– Каковы были отношения между мистером Джефферсоном и его дочерью?
– Почти никакие. Ему на неё наплевать. И всегда было наплевать. Он не обращал на дочь внимания, даже когда она была совсем ребёнком.
– Однако он сразу обратился ко мне за помощью.
– Вот именно, к вам, а не в полицию. Его волнует только огласка случившегося.

Моника затушила сигарету и тут же закурила новую. Румянец на её щеках немного поблек.

– Допустим. А Лилиан не обижало равнодушие отца?
– О, нет. Она всё равно его любила.
– Заходила к нему?
– Редко.
– А сколько вы уже не живёте с мужем?
– Восемь лет.
– И кто у вас сейчас вместо мужа?

Женщина начала буквально на глазах закипать, словно чайник. Если бы у неё во рту был сейчас свисток, то он уже начал бы издавать короткие прерывистые звуки.

– С мистером Морганом я тоже хотел бы переговорить, – поспешил я и достиг цели. Злоба моей собеседницы мгновенно переметнулась с меня на бывшего супруга.

– Вот дерьмо, – прошипела миссис Джефферсон. – Он лучше бы за своими шлюхами глядел. Мне же нет дела до его баб! – румянец слетел с её щек окончательно, уступив место мертвенной бледности. Однако женщина смогла быстро взять себя в руки. – Это не имеет никакого отношения к делу. Дочь с Полом почти не встречались. Они практически не знакомы.

– Сначала всегда так кажется, – возразил я. – А потом могут выясниться самые невероятные вещи. Когда-то я знал одну бабульку лет восьмидесяти трех. Само олицетворения благочестия. А содержала бордель...

– Здесь ничего неожиданного не выяснится! – прервала меня Моника.
– Если так, зачем же вы так оберегаете от лишних вопросов своего... гм...
– Любовника, – подсказала она и вдруг как-то сразу сникла. В комнате повисла длинная пыльная пауза. Женщина что-то мысленно взвешивала. Когда какая-то из чаш весов рухнула вниз, она тяжело вздохнула.

– Ну, как вам угодно. Вам адрес нужен? Глисон-авеню, пятнадцать. Там кладбище рядом.
– Кто он? – поинтересовался я, записывая и не поднимая взгляда от блокнота.
– Инженер... электрик. Работает в компании Максвелла. Очень неплохой человек, между прочим. Фанатик от электрики...

– Завидую. Но вернемся к вашей дочери. Вы дружно жили с Лилиан?

Моника закурила третью сигарету подряд и вдруг неожиданно трогательно произнесла:

– Она единственное, что у меня осталось...

Я пожал плечами.

– Ну, хорошо. Могу я осмотреть ее комнату?

– Если это необходимо, пожалуйста. После исчезновения девочки я не могу туда заходить.

Я понимающе кивнул и направился к указанной двери. Маленькая комнатка была тщательно убрана: на небольшой тахте идеально разглаженное клетчатое покрывало, на темном полированном письменном столе ни единой бумажки, на полу ни пылинки, плакаты с портретами рок-звезд аккуратно приколоты булавками к обоям. Я подошёл к шкафу, открыл дверцу и просмотрел его содержимое. Обычные наряды обыкновенной девчонки. Под тахтой обнаружилась пара крохотных гантелек. Видимо, хозяйка комнаты брала пример с матери и следила за своей фигурой. Письменный стол мне тоже ничего не дал. Лилиан, похоже, была прилежной ученицей. Тетради в ящиках лежали ровными стопочками, ручки, карандаши, фломастеры, различные безделушки были разложены по своим местам. Мое внимание привлекла только небольшая шкатулка, в каких школьницы обычно держат, как им кажется, особенно важные вещи – фотографии, записки и прочую дребедень. Но эта оказалась пустой. Я прихватил её с собой и вернулся на кухню. Моника Джефферсон жестоко приканчивала очередную сигарету.

– Вы много курите, – заметил я вскользь.

– А сколько должна курить мать, у которой пропала дочь? – парировала она.

– Понятия не имею. Мне вряд ли когда-нибудь стать матерью. Так вы говорите, что не убирали в комнате Лилиан со времени её исчезновения?

– Вообще-то я ничего такого вам не говорила, но действительно там не убиралась. Даже не заходила.

– Не знаете, что дочь хранила в этой шкатулке?

– Насколько я помню, там лежали несколько долларов, которыми недавно одарил ее папаша.

Я взялся за крышку шкатулки, она раскрылась и с жалким видом повисла в воздухе.

– Пусто.

Женщина прикусила губу, затем усмехнулась.

– Значит, Лили всё-таки их потратила.

– Ясно, – я поставил шкатулку на стол. – Если нарою какую-то информацию, я вам сообщу. А это номер моего телефона, если вдруг вам будет что сообщить мне. Ну, если вдруг девочка объявится, чтобы я напрасно не стирал свои подошвы.

Моника молча кивнула, но провожать меня до двери не пошла, попросив просто захлопнуть ее посильнее. Я спустился на лифте и, проходя мимо консьержа, подмигнул ему.

– Эй, мистер, – окликнул меня парень. – Я вспомнил когда последний раз видел мисс Джефферсон!

– Что ты говоришь? – я вернулся и облокотился на его конторку. – Ну и когда же?

– Два дня назад, в субботу. Она вышла из дома...

– И куда направилась? Ты видел? Хотя бы в какую сторону от дома?

– Она села... Вы только не подумайте ничего плохого... Ну, будто я подсматривал за ней...

– Нет, нет, ты за ней не подсматривал. Итак?

– Будто я по ней сохну...

– Ни в коем случае, дружище! – нетерпеливо успокоил я парня.

– Она села в автобус, который останавливается сразу за углом дома?

– Сама села?

– А как ещё?

Я удовлетворённо кивнул, достал из кармана доллар, отдал его парню и направился к выходу. Малолетний консьерж недоумённо уставился на огромную денежную сумму. Надо признаться, я всё-таки был не очень похож на директора школы.

4

Сев в свой раскалившийся на солнце «Форд», больше напоминавший сейчас доменную печь, я вдруг почувствовал, что соскучился по Ньютон-стрит и её милым обитателям. Странно, особенно если учесть, что до сих пор мне редко приходилось заезжать на эту улицу. Но я любил свои слабости, всегда старался уступать им, а потому сейчас взял уже знакомое с утра направление. За время моего отсутствия возле офиса Реджинальда Джефферсона ничего не изменилось. Я припарковался на противоположной стороне, вышел из машины и открыл дверь под тщетно вопящей над пустынным тротуаром яркой вывеской. Внутри действительно оказалось кафе. Причём его окна выходили точно на интересующий меня объект. Я присел за крайний столик, накрытый скатертью сомнительной свежести, и, наслаждаясь благодатной прохладой, взглянул на часы. Четверть пятого. За железной оградой старый садовник теперь уже не сидел на ведёрке, а делал вид, будто подметает дорожку. Его внешний вид весьма красноречиво выражал то, как ему хотелось побыстрее убраться оттуда. Я взглянул на толстого лысоватого со лба бармена. Похоже, моё появление не произвело на него никакого впечатления. Он стоял, сонно облокотившись на липкую стойку, вяло отмахивался от назойливых мух сероватым полотенцем и слушал хриплый радиоприёмник, по которому передавали последние новости. Кроме нас в забегаловке никого не было.

– Хочу мартини и колу, но обязательно со льдом, – произнёс я.

Бармен медленно перевёл на меня взгляд, оценивающе посмотрел на мой выдававший виды пиджак.

– И что, даже деньги есть?

– Обижаешь. Я лучший друг самого Реджинальда Джефферсона

– Угу. Это я ещё утром заметил.

Он наполнил бокал мартини, достал из холодильника бутылочку колы, с трудом, словно заканчивая восхождение на Джомолунгму, преодолел расстояние до меня, поставил напитки на столик и так же неторопливо вернулся к своему приёмнику. Из динамика ведущий захватывающе рассказывал, как Сальвадор начал бомбить аэродром в Гондурасе. После нескольких плотков живительной влаги, я уставился на офис босса и, кажется, немного вздремнул.

– Кто такой?

Я очнулся и поднял глаза. Высокий крепкий и совсем молодой парень в форме полицейского грозно навис надо мной, словно грозовая туча. Казалось, ещё немного, и начнётся ливень. Если честно, несмотря на жару, мокнуть мне совсем не улыбалось. У парня двигались только могучие челюсти, перемалывавшие жевательную резинку. На ремне живописно висели дубинка, наручники и револьвер достаточного калибра, чтобы запросто снести человеку голову.

– Двоюродный брат Джона Кеннеди, – представился я. – А что?

– Так, – процедил парень сквозь зубы. – Шутник, значит. Твоя машина перед домом?

– Да, кажется, в этот раз я не стал закатывать ее прямо сюда.

Скулы полицейского напряглись.

– Здесь стоянка запрещена, – он взял нетронутую мной бутылочку колы и залпом опустошил. – Покажи-ка документы.

Бармен с ухмылкой прислушивался к нашей милой беседе. Я протянул представителю закона свою лицензию и заметил:

– Никакого знака там вроде нет.

– Будет, – промывчал парень и усмехнулся. – Кого ловим, коллега Хоуп?

– Пока только местных тараканов.

– Не болтай, – проворчал из-за стойки бармен. – Мух здесь, правда, полно, а тараканов отродясь не водилось.

– Тогда проваливай, – любезно предложил полицейский.

– Так и быть, ограничимся штрафом, – выдвинул я встречное предложение.

Парень молча и упрямо посмотрел на меня.

– Соображаешь. Гони деньги.

– О, новая форма работы с нарушителями? Не слыхал пока о такой. Так что положи квитанцию под дворник. Я потом оплачу.

– Нет.

– Тогда может, проедем в твоё отделение и поболтаем с дежурным офицером?

Полицейский снова усмехнулся.

– Ладно, квитанция у тебя будет. Но лучше проваливай отсюда. Не терплю на своём участке мелких ищек.

– Подай своему начальству жалобу в письменном виде.

Парень ослабился.

– Смотри, приятель, в следующий раз я не буду таким вежливым.

Он развернулся, вышел из забегаловки, пнул ногой колесо моего «Форда» и двинулся дальше по улице.

– Что это за псих? – спросил я бармена.

– Сержант Палмер. Его недавно перевели к нам из Пасадены. Да не, вообще-то он вроде нормальный парень. Просто, как говорят, сходит с ума по дочке Джефферсона. Шансов ноль, вот и психует. Знаешь, в двадцать один год у меня тоже кровь играла. Старался ни одной юбки не пропустить, – он любовно погладил свои залысины. – Помню, познакомился я как-то с одной китаяночкой. Прелесть. Правда, у неё одного переднего зуба не было...

– Он что, знаком с дочкой Джефферсона?

– Откуда? Так, видел несколько раз, когда она приезжала сюда к отцу.

– Часто?

– Так не очень, но последнее время зачастила. А ты чего, тоже фараон?

– Вроде того.

– Везёт мне. Палмер тут всё время ошивается. Теперь ещё ты.

– Это как сказать. Всё лучше, чем никого.

Во время нашего непринужденного диалога я следил за офисом Джефферсона и, наконец, увидел босса. Он сел в машину и куда-то отправился. Судя по времени, на свою конференцию. Я расплатился с барменом за свой martini и за колу, отправившуюся в плотку сержанту Палмеру, прихватил с собой бутылочку дешевого виски в бумажном пакете, вышел из прохладной забегаловки на самое пекло, пересёк улицу и нажал на кнопку уже знакомого звонка. В отсутствие патрона Остин оказался не таким расторопным. Пот опять начал мерзкими струйками скатываться по моей спине, когда секретарь возник передо мной. Только на этот раз он выглядел не так элегантно, как утром. Он даже казался немного подавленным. Видимо, получил за что-то хорошую взбучку.

– Мистера Джефферсона нет, – тем не менее, учтиво произнёс он, видимо, уже позабыв о нашей лёгкой утренней стычке.

– Да он мне и не нужен. Дело в том, что я забыл у вас свой конверт, – так же учтиво пояснил я.

– Ах, так это ваш! Идёмте.

Врата офиса Реджинальда Джефферсона распахнулись передо мной второй раз за день. Мы прошли в уже знакомый холл. Остин взял со стола мой конверт с двадцатью пятью долларами, фотографией Лилиан и протянул мне.

– Благодарю.

Не ударив друг перед другом лицами в грязь относительно изысканности манер, мы распрощались. Я вышел из офиса, остановился на ступенях в тени одной из сосен и заглянул

в конверт. Фотография Лилан Джефферсон лежала уже не между двумя десятидолларовыми купюрами. Ну что ж, Остина, в конце концов, тоже можно было понять. Секретарю нужно знать обо всех делах своего патрона, даже о тех, которые его не касаются.

Я направился к воротам. Садовник уже оставил дорожку в покое и теперь занялся стрижкой кустарника в дальнем углу возле ограды. Явственно ощущая на себе взгляд Остина из окна, я повернул и прямо по газону направился к старику. Он встретил меня молчаливым взглядом исподлобья. Но когда его крупный с синими прожилками нос учуял благоухание выпитого мной полчаса назад martini, этот взгляд заметно потеплел. Хотя старик по-прежнему не проронил ни слова.

– Привет, старина, – начал я, засунув руки в карманы брюк.

– Привет, – пробурчал садовник.

– Как работается?

– Как может работаться, когда с самого утра ни глотка, – он с нескрываемой надеждой взглянул на оттопыренный карман моего пиджака.

– Немного виски разгонит тоску?

– Немного не разгонит, – ответил старик, но, похоже, сразу пожалел о сказанном. Чтобы успокоить пожилого человека я достал прихваченный с собой пакет с бутылкой. Садовник деловито взял свое ведёрко, обмахнул рукавом ковбойской рубашки дно и предложил мне сесть, а сам устроился прямо на траве.

– Ты кем будешь-то? – спросил старик. – Вроде второй раз сегодня приезжаешь...

Мой ответ интересовал его не очень сильно. Он умело опрокинул горлышко бутылки себе в рот и сделал пару изрядных глотков. Впрочем, ответить я и не успел.

– Хорошо, что шеф уехал. Можно спокойно выпить. А то вкалываешь тут, вкалываешь... Магнус, пойдй подмети дорожку. Магнус, полей розы. Магнус, подстриги траву. Знаешь, у Джефферсона сдвиг на почве аккуратности.

– А кто... – попытался я было наладить диалог.

– Помню, во время войны служил я интендантом, и мне капитан такой же попался. Аккуратист. И нос всё задирает. Ох, и намучился я, пока в начале сорок пятого его в другое подразделение не перевели. Тоже всё: Магнус сходи туда, Магнус, принеси то.

– А когда...

– Демобилизовался я, помню, уже в сорок шестом. Или в сорок седьмом что ли? – старик еще раз, не предлагая мне угоститься, глотнул из моей бутылки. – Нет, всё-таки в сорок шестом. Потом до пенсии в порту пахал грузчиком. Мне хоть тогда пятьдесят уже стукнуло, но я еще ого-го какой был. От местных бабёнок отбою не было. Может, поэтому и не женился. А теперь вот перешёл на лёгкую работу.

– Слушай, а...

– Вообще, мне здесь нравится. Платит шеф неплохо. А что мне старику надо? Верно? Пару глотков вечером..., да слово уважительное. С последним здесь, правда, стало туговато.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.